

Последняя неделя служения Иисуса

1. Помазание в Вифании (Мат. 26:6–13; Мар. 14:1–11; Иоан. 12:1–8). Иисус прибыл в Вифанию в пятницу вечером. На пути Он, скорее всего, был центром внимания толпы паломников, идущих на Пасху. Но, если они расположились на ночлег где-то где мог – в городе ли с друзьями, в шатрах ли на склонах Елеонской горы или в долине Кедрон, то Он устремился к хорошо Ему известному дому в Вифании. Он там всегда был желанным гостем, но на этот раз – в особенности. Субботу можно будет провести в покое, но в эту ночь давали ужин в Его честь в доме Симона прокаженного. Были там и Мария, Марфа и Лазарь, радовавшиеся возрожденной жизни одного из них, возобновленному общению друг с другом и присутствию Того, кому они были так многим обязаны. Но был среди гостей некто, чья благодарность не могла быть выражена обычным мирским путем – слишком уж эти пути были грубы. Вглядываясь в лицо Господа, вслушиваясь в Его слова, исполненные благодати, сколько могла, она, в конце концов, не выдержала, встала и, принеся чашу с драгоценным маслом, вылила Ему, лежащему, вначале на голову, затем на ноги. Были и тогда, как и сейчас, грубые души, которые раскритиковали “трату”, но для Иисуса любовь, которая заставила женщину сделать это, была ценней всего на свете. “Оставьте ее; чтоб ее смущаете? она доброе дело сделала для Меня. ... Она сделала, чтоб могла: предварила помазать Тело Мое к погребению”.¹

2. Воскресенье: триумфальный въезд в Иерусалим (Мат. 21:1–17). В пасхальную неделю Иерусалим был заполнен странниками из всех областей Палестины и империи, многие из которых слышали Иисуса, а еще больше слышали о Нем. Результаты перейского служения и воскрешение Лазаря, с одной стороны, заново разожгли огонь популярности, с другой же – вызвали новую вспышку ненависти. Близится конец, поэтому Иисус больше не избегает неминуемого конфликта, но уступает массам, провозглашающим Его Мессией. Но Он намекает на характер Своего правле-

ния тем, что избирает молодого осла – символ мира, а не коня – символ войны. Когда Он достигает вершины горы Елеонской, толпы народа, идущего из города, сливаются с толпами, сопровождающими Его от Вифании, и с криками “осанна” и триумфальными почестями Его вводят в Иерусалим. Город, однако, разрывают противоречивые настроения. В демонстрации участвовали исключительно представители областей и сельские жители; Иерусалим же, о котором Он плакал, глядя с вершины Елеонской горы, держался по отношению к Нему с холодным безразличием или с открытой враждебностью. Нельзя не спросить: “А что, если бы он тоже принял своего Господа?” Мы не можем ответить. Мы знаем только, что отвержение было окончательным. Восторженные ученики, без сомнения, испытали разочарование: Иисус ничем не поддержал, как они надеялись, устроенную Ему встречу, но ограничившись посещением храма, вернулся на ночь в Вифанию.

3. Понедельник: бесплодная смоковница; второе очищение храма (Мат. 21:12, 13, 18, 19; Мар. 11:12–18). По пути в город утром Иисус сотворил чудо, которое было одновременно и чудом, и притчей. Бесплодная смоковница, имевшая необычную листву, похвалялась тем, что ее плоды были особенными. По слову Иисуса она засохла: подходящая эмблема для города и народа, исполненного фальши, или же для пустой жизни, приговор для которой – уничтожение. Затем Иисус вошел в храм. После воскресного посещения Он очистил его снова, как Он это сделал в первую Свою Пасху. Интересный эпизод сохранен Иоанном (12:20–33) – о том, как Его хотели видеть представители талантливого греческого народа, которых к Нему привели Филипп и Андрей. Он предвидел то время, когда Его восшествие на крест приведет к Нему людей всех рас и национальностей. Его душа сжималась при мысли об этой жертве, но “если пшеничное зерно, упавши в землю, не умрет, то останется одно”.² Таким образом, до самого конца Иисус пользовался любым случа-

ем, чтобы утвердить природу Своего царства. Если бы Он захотел, то мог бы в один день совершить политическую революцию и основать земную империю, но этот вопрос был решен задолго до того. Путь человека, как и Его собственный, к венцу лежал через крест.

4. Вторник: день вопросов (Мат. 21:23—25:46). Мы подошли к последнему и величайшему дню в публичном служении Иисуса. Оно начинается в храме с ряда вопросов, предназначенных для того, чтобы скомпрометировать Его перед людьми, и заданных: (1) комитетом, образованным синедрионом и приступившим к Нему с вопросом о власти; (2) фарисеями, спрашивавшими о подати; (3) саддукеями, пытавшимися подловить Его на вопросе о воскресении; (4) снова фарисеями, искушавшими Его вопросом о наибольшей заповеди; (5) Самим Иисусом, спросившим фарисеев о Христе. Давая Свои несравненные ответы, Иисус рассказал три из третьей большой группы притчей, а именно: о двух сыновьях, о злых виноградарах и о брачном пире царского сына. Затем, обратившись к своим врагам, Он обрушил на них всю горечь, накопившуюся в Его душе. Как удары грома, прогремело семикратное: “Горе вам, книжники и фарисеи, *лицемеры*”.³ Они это заслужили, но Иисус наверняка знал, что этим Он подписывал Себе смертный приговор. Помилования отныне ждать не приходилось. Последним событием, когда Иисус покидал храм навсегда, явилось Его похвала вдовы, которая положила в сокровищницу храма две лепты. Этот прекрасный эпизод, следующий непосредственно за великим обличением, кажется весенней фиалкой на дне ледника.

Покинув город вместе с Двенадцатью, Он сел на том склоне горы Елеонской, с которого был виден городской храм. Там в ответ на замечание учеников о камнях, из которых был построен храм, и на вопрос, когда Он придет снова, Он стал говорить о разрушении Иерусалима и Своем втором пришествии. Уроком из этого было: “Бодрствуйте; будьте готовы; используйте свои возможности”. Эту Свою мысль Он подкрепил притчами о десяти девах и о талантах. Затем следует торжественное описание сцены судного дня, приведенное в Мат. 25.

Так закончился последний и величайший день открытого служения Иисуса, наполненный разнообразными происшествиями и учением. Несколько минут пешком с учениками, и Иисус снова остановился на отдых в тихой окрестности Вифании.

Ну, а что Его враги?.. У них день закончился не так. На тайном совещании они постановили, во-первых, что Он должен умереть, и, во-вторых,

что Его убийство не должно произойти во время праздника, потому что, трусливые настолько же, насколько лицемерные, они не осмеливались поднять на Него руку в присутствии доброжелательно настроенного по отношению к Нему народа.

И тут мы сталкиваемся с одной из загадок истории. В самый критический момент появляется Иуда – ученик, один из Двенадцати, знающий все Его любимые места и убежища, – и предлагает за деньги предать своего Учителя. В повествованиях ясно указывается на алчность, как мотив поступка (Мат. 26:14, 15; Мар. 14:10, 11; Лук. 22:3–5; ср. Иоан. 12:4–6). Тот, кто негодовал по поводу дорогостоящего приношения любви, продал своего Учителя за тридцать сребренников – треть той цены, какую Мария заплатила за жертву благодарения.

5. Среда: затишье перед бурей. Нет никаких записей о событиях в среду. Мы можем только гадать о том, что происходило в тот день: весь город ждет Его, удивляясь, почему Он не вернулся в храм; люди жаждут Его речей, власти жаждут Его крови. Но Его работа завершена. Он, возможно, беседовал с учениками наедине в Вифании, но скорее всего, Он провел этот день в отдыхе и молитвах, готовясь к тому, что ждало Его впереди. Мы не знаем. Тот день окутан тайной. “В ту ночь Он заснул в последний раз на земле. В четверг утром Он проснулся, чтобы никогда уже больше не спать”.

6. Четверг: последний ужин (Мат. 26:17–35; Иоан. 13:1–17). В четверг Иисус отправил двоих учеников в город подготовить пасхальный ужин. В ту ночь Он еще раз сел за стол с Двенадцатью, ибо Иуда был все еще с ними – с виду ученик, в сердце же предатель и шпион. Как бы облачко нависло над маленькой компанией, когда они усаживались, споря, кому какое место занять. Но так прекрасно, так достойно и так неподражаемо Иисус укорил их за честолюбие. Поднявшись из-за стола, Он начал, как простой слуга, омывать их ноги, затем, обратившись к обескураженным ученикам, преподал им впечатляющий урок о смиренности и служении. Тучи сгустились, когда Иисус продолжил: “Один из вас предаст Меня”.⁴ Вскоре после этого Иуда вышел под каким-то предлогом дружеского услужения, как предполагали ученики, но на самом деле, как это было известно Иисусу, чтобы осуществить свой черный замысел. Тогда Иисус заговорил о том, что все покинут Его, что даже самонадеянный Петр отречется от Него. Тучи рассеиваются, когда Иисус устанавливает замечательный памятный ужин и начинает Свою несравненную речь, которая записана в Иоан. 14—16. Он завершает беседу настоящей Господней молитвой (Иоан. 17), молитвой, которая

последовательно охватывает круг Его непосредственных учеников, всех, кто уверует в Него через их слово, и весь мир. Вот так в сердечной беседе и молитве за весь мир они не заметили, как время приблизилось к полуночи. Выйдя из комнаты при лунном свете, Иисус покинул город и пошел со Своими учениками в направлении Вифании.

7. Гефсимания (Мат. 26:36–46). На восточном краю ущелья, называемого Кедрон, у подножья Елеонской горы находился хорошо известный сад, который назывался Гефсимания (“маслобойка”). Этот сад был любимым местом отдыха Иисуса. Войдя в тень оливковых пальм, Он оставил всех Своих учеников, взяв с Собой только троих избранных, и направился вглубь сада для молитвы. Оставив троих поблизости, Он углубился еще дальше и упал на землю, прижав руки к лицу в невыразимой тоске. Он “начал ужасаться и тосковать”,⁵ “скорбеть”,⁶ “душа Его скорбела смертельно”,⁷ и “был пот Его, как капли крови, падающие на землю”.⁸ Трижды с Его губ срывался подавленный крик: “Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты”.⁹ Трижды Он возвращался к тем трем ученикам, но находил их спящими. Что все это означает? Был ли то страх физической смерти, что заставлял кровавый пот выступать на Его лице и крик агонии срываться с Его губ? Тогда у Него было меньше героизма, чем у многих спартан-

ских воинов, меньше физического мужества, чем у жестокого преступника на эшафоте. Неужели славное мужество, которому мы так долго следовали, съезжилось в конце до такой жалкой степени? Но нет ли в этом какого-то гораздо более тонкого смысла? Не величайшая скорбь прижимала Его к земле – бесконечный груз грехов и горестей мира? Эта сцена слишком священна для холодных умозаключений. Нам известно только, что из всего этого, как и из всех предыдущих покушений на Его цели, Он вышел победителем: “Он... услышан был за Свое благоговение” (Евр. 5:7); “явился же Ему Ангел с небес и укреплял Его” (Лук. 22:43). ✱

¹Марка 14:6-8. Это помазание не следует путать в том, что описано в Луки 7. То было в начале, это – в конце служения Иисуса; то было в доме Симона фарисея, это – в доме Симона прокаженного; там была кающаяся грешница, здесь – высоко духовная Мария; тогда Симон был недоволен из-за того, что собой представляла женщина, здесь Иуда возмущен пустой тратой драгоценного мира.

²Иоанна 12:24.

³Матфея 23:13, 14, 15, 23, 25, 27, 29.

⁴Матфея 26:21; Марка 14:18; Луки 22:21; Иоанна 13:21.

⁵Марка 14:33; см. также Матфея 26:37.

⁶Матфея 26:37; см. также Марка 14:33

⁷Матфея 26:38; Марка 14:34.

⁸Луки 22:44.

⁹Матфея 26:39, 42, 44; см. также Марка 14:36, 39, 41; Луки 22:42-46.

Автор: *Б. С. Дин*
Из выпуска: “*Обзор Навозаветной Истории*”
© 1995, 2003 ИСТИНА СЕГОДНЯ
перепечатка воспрещается